

Татьяна Этерра

A romantic couple stands in a vineyard at sunset. The woman, with long dark hair, wears a light-colored, flowing dress and holds a small lantern. The man, with dark hair, wears a light shirt and trousers. They are surrounded by grapevines with clusters of grapes. In the background, a coastal town is visible under a golden sky with a setting sun. A large, ornate lantern is visible on the right side of the image.

Виноградные
косточки
ВЕТРА

Южный берег не прощает предательства.

Но он хранит тех,
кто идёт до конца.

Татьяна Этерра

Виноградные косточки ветра

<https://litres.ru/74253633>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она упала в море. И вынырнула в другом мире.

Таврида пахнет виноградом и солью. Здесь магия течёт в крови, а море поёт на рассвете. Но для Ани этот рай стал клеткой: она — «пустая», человек без искры. Её место — на обочине, среди тех, кого презирают маги.

Мирон — изгнанник. Он носит браслеты, сдерживающие его силу, чтобы не убить никого. Он давно смирился с одиночеством и проклятием. Но когда Аня коснулась его руки, браслеты треснули. И магия, которую он сдерживал три года, вырвалась наружу.

Теперь они — цель Империи. И единственный способ выжить — найти Огненное Сердце, источник древней магии. Но тайна артефакта страшнее, чем они могли представить. И цена пробуждения может оказаться слишком высокой.

Южный ветер не прощает предательства. Но он хранит тех, кто идёт до конца.

Татьяна Этерра
Виноградные
косточки ветра

Пролог. Та, кого принесло море

Она пришла в этот мир так же, как приходит южный бриз — внезапно, без спроса, и пахла грозой. Никто не видел, как она упала в воду. Наверное, никто и не смотрел. Утро только начиналось: рыбаки вытаскивали сети, чайки дрались за потроха, а старуха Зоя уже открыла свой шатёр на набережной, разложив пучки сушёной мяты и лаванды. Море сегодня было спокойным — бирюзовым, маслянистым, с лёгкой рябью у самого горизонта. Таким оно бывает только перед долгой жарой. А потом волны выплюнули её. Она лежала на мокром песке, в одежде, которой здесь никто не носил — странный тонкий материал, облегающий тело, и короткие штаны, открывающие длинные бледные ноги. Тёмные волосы разметались по гальке, а в руке она сжимала... прозрачную доску с яркой картинкой. Мирон заметил её первым. Он стоял на галерее маяка, опершись локтями на каменные перила, и пил утреннее вино — кислое, терпкое, единственное, что спасало от тошнотворного чувства пустоты в груди. Браслеты на его запястьях тускло блеснули в лучах восходящего солнца. Он уже три года носил эту тяжесть. Уже привык. Но привыкнуть к тому, что море выносит на берег мёртвых девушек в странной одежде, он не мог. — Эй! — крикнул он, перегнувшись через перила. Голос сорвался на ветру. — Эй, ты

жива? Она не шевелилась. Мирон выругался сквозь зубы, оставил кружку на каменный подоконник и бросился вниз по винтовой лестнице. Каждая ступенька скрипела под его босыми ногами. Он ненавидел бегать, ненавидел суету, ненавидел, когда его спокойное утро нарушали. Он подбежал к ней, присел на корточки, коснулся пальцами её шеи. Кожа была холодной, но пульс — слабый, но был. — Жива, — выдохнул он и сам удивился тому, как облегчённо это прозвучало. Она закашлялась. Из рта хлынула вода — солёная, с примесью песка. Глаза распахнулись — тёмные, испуганные, а потом она заговорила. — Где я? — голос был хриплым, но требовательным. — Что за... — она огляделась по сторонам, и её лицо вытянулось. — Это что, Крым? Я в Крыму? Мирон нахмурился. — Ты в Тавриде, — сказал он медленно, словно разговаривал с ребёнком или сумасшедшей. — На южном побережье Тавриды. Ты что, не знаешь? Она посмотрела на него так, будто он только что сказал, что земля плоская. — Таврида... — повторила она. — Так называют Крым в древности. Но сейчас же... — она замолчала, вглядываясь в его лицо. — Вы что, в историческом костюме? Или это съёмки? — Никаких съёмок, — отрезал Мирон, поднимаясь во весь рост. — Ты на берегу, ты жива. Если можешь идти — иди. Если не можешь — полежи, пока не оклемаешься. Но маяк я тебе не отдам. Она села, с трудом опираясь на руки, и вдруг громко, от души рассмеялась. — Ничего не понимаю. Скажи, это розыгрыш? Камера где-то в кустах? — Камера?

— переспросил Мирон. — Ты про иллюзионные кристаллы? У меня их нет. Я — хранитель маяка, а не фокусник. Она перестала смеяться. Посмотрела на его руки, на браслеты, на выцветшую чёрную рубашку, на босые ноги, на море за его спиной — бирюзовое, бесконечное, совсем не чёрное, как она помнила. — Так, — сказала она, медленно вставая на ноги, пошатнулась, но устояла. — Допустим. Я тебе верю. Но я ничего не понимаю. — Взаимно, — усмехнулся Мирон. — Я тоже не понимаю, зачем ты здесь. Но раз тебя выплюнуло море — ты либо проклята, либо очень важна. Третьего не дано. — Меня зовут Аня, — сказала она, протягивая мокрую руку. — Я... я просто хотела посмотреть на старые фрески в гроте. А потом упала. Мирон пожал плечами и не ответил на рукопожатие. — Мирон, — буркнул он. — И если ты будешь кричать — я оставлю тебя здесь. Поняла? — Поняла, — улыбнулась Аня. Она ещё не знала, что этот день изменит всё.

Глава 1. Южный берег

Она проснулась от того, что кто-то настойчиво долбил клювом в стекло. Аня открыла глаза и первую секунду не могла понять, где находится. Потолок был низким, деревянным, с тёмными балками, а воздух пах морем, пылью и чем-то сладким, похожим на сушёные фрукты. Она лежала на узкой кровати, укрытая грубым шерстяным одеялом, и смотрела на незнакомый мир сквозь зарешёченное окно. — Это не Крым, — поняла она вдруг. — И это не сон. За окном простиралось море — бирюзовое, спокойное, с золотыми дорожками от восходящего солнца. Оно было слишком ярким, слишком гладким, слишком настоящим, чтобы быть галлюцинацией. А чайка, которая долбилась в стекло, была очень даже реальной — она наклонила голову, уставилась на Аню чёрным глазом и снова стукнула клювом. — Чего тебе? — хрипло спросила Аня. Чайка обиженно заорала и улетела. Аня села на кровати, с трудом разлепив веки. Голова гудела, как после долгого перелёта, а в горле стоял солёный привкус. Она огляделась. Комната была маленькой, но уютной: каменные стены, выбеленные известью, деревянный стол, глиняный кувшин с водой, на стене — пучки сушёных трав, а в углу — винтовая лестница, ведущая наверх. — Маяк, — прошептала Аня. Воспоминания нахлынули: падение в грот, во-

да, тьма, а потом — мужские руки, серые глаза и голос, который спросил: «Ты что, не знаешь?» Она помнила его лицо — жёсткое, с сединой на висках, усталое, но не злое. — Мирон, — сказала она, проверяя имя на вкус. Звучало твёрдо, как камень. Она спустила ноги с кровати — босые, грязные, с царапинами — и с удивлением обнаружила, что на ней вместо её странной одежды была длинная грубая рубаша, явно мужская. Кто-то переодел её, пока она спала. Это смутило, но почему-то не напугало. Что-то в этом мире, в этом маяке, в этом море не давало ей паниковать. Оно было слишком... правильным. Аня встала, подошла к окну и посмотрела вниз. Прямо под скалой плескалось море, а вдалеке, у самого горизонта, виднелся берег — длинная песчаная коса, усеянная белыми домиками с черепичными крышами. Между ними петляли тропинки, ползли виноградники, а кое-где поднимались стройные кипарисы, похожие на свечи. Городок был маленьким, уютным, совсем не курортным — скорее, рыбацким и винодельческим. — Таврида, — вспомнила Аня. — Он назвал это Тавридой. Она провела пальцами по стеклу. Оно было тёплым — утро обещало быть жарким. Снизу донёсся шум: кто-то двигал мебель, что-то упало, слышалось глухое ворчание. Аня вздохнула, натянула рубашу пониже и пошла на звук. --- Винтовая лестница оказалась крутой и скрипучей. Каждая ступенька угрожала подвести, но Аня держалась за каменную стену и спускалась медленно, с опаской. На втором этаже — небольшая кухня с очагом,

столом, парой лавок и шкафом с посудой. На столе стояла глиняная кружка с тёмной жидкостью, рядом — тарелка с хлебом, сыром и оливками. А Мирон сидел у окна, спиной к ней, и смотрел на море. Он услышал её шаги, но не обернулся. — Ешь, — сказал он коротко. — Утро уже давно, ты проспала два дня. — Два дня?! — Аня подошла к столу и села напротив. — Я что, в коме была? — Не знаю, что такое кома, — ответил Мирон, всё ещё глядя в окно. — Ты была в горячке. Бредила. Кричала про какие-то фрески, про паспорт, про мобильный телефон... Я не понял ни слова. — Это не важно, — сказала Аня, беря в руки кружку. Жидкость оказалась травяным чаем — горьким, но свежим. — Важно другое. Где я? Что это за мир? Мирон наконец повернулся. Его глаза — серые, холодные, как зимнее море — уставились на неё с любопытством и усталостью. — Ты в Тавриде, — повторил он. — Южное побережье материка Этерра. Страна Этерра? Или ты считаешь, что я должен называть её иначе? — Материк Этерра, — медленно повторила Аня. — А Таврида — это... регион? — Почти, — согласился Мирон. — Таврида — это наши земли. Здесь правят маги Солнца и Воды. А на севере — Империя. Вот и вся география. Отвечай теперь ты. — Я из России, — сказала Аня. — Из Москвы. Точнее, приехала в Крым отдыхать. Грот, вода, и — бамс. Я здесь. — Где это — Россия? — нахмурился Мирон. — Другой материк? — Другой мир, — ответила Аня просто. Мирон долго молчал. Потом фыркнул и отвернулся к окну. — Ты или сумасшедшая,

или очень талантливая лгунья. Но я склоняюсь к первому. — Я не вру, — сказала Аня спокойно. — Я тоже не сразу в это поверила. Но вода — она была холодной, и я тонула. А потом я здесь. И ты здесь. И я не знаю, как вернуться. Мирон молчал. Его пальцы — длинные, с въевшейся грязью под ногтями — сжали кружку так, что побелели костяшки. Браслеты на запястьях звякнули. — Ты можешь вернуться, — сказал он неожиданно тихо. — Но я не знаю как. У нас нет порталов в другие миры. Мы даже не знаем, есть ли они. — Тогда я останусь, — сказала Аня, и в голосе её прозвучала такая уверенность, что Мирон нахмурился. — Пока не разберусь. Ты не против? Он усмехнулся — горько, сухо, и впервые на его лице промелькнула тень улыбки. — Против. Но выгнать тебя в море я не могу. Пока не окрепнешь — оставайся на маяке. Но если ты начнёшь колдовать, — он поднял руку и повёл пальцами по воздуху, — я тебя свяжу и отправлю в столицу. Ясно? — Я не колдую, — удивилась Аня. — У меня нет магии. Мирон взглянул на неё с иронией. — Девушка, которую море выплюнуло на берег, которая спала два дня, которая говорит на нашем языке — но при этом не из нашего мира, — это уже магия. И я не знаю, откуда она взялась. Поэтому сиди тихо, не трогай ничего и не выходи на улицу без меня. Поняла? — А если выйду? — улыбнулась Аня. — Тогда ты узнаешь, что такое Таврида, когда на тебя нападут духи виноградников, — ответил Мирон совершенно серьёзно. — Они не любят чужаков. — Духи... виноградников, —

переспросила Аня. — Они настоящие?— Ты сама увидишь, — сказал он и вышел из кухни, оставив её одну с чаем и тарелкой сыра.---Аня сидела у окна и смотрела на море. Оно было невероятно красивым — бирюзовым, ласковым, с лёгкими белыми гребешками волн, которые разбивались о скалы внизу. Где-то далеко, на горизонте, маячил парус — маленький, белый, почти игрушечный. Чайки кричали, и ветер доносил с берега запах винограда — сладкий, густой, как сироп. Она взяла кусок хлеба, отломил и отправила в рот. Хлеб был грубым, с хрустящей корочкой, и пах дымом. Сыр оказался солёным, нежным, а оливки — терпкими и маслянистыми. Она вдруг поняла, что дико голодна, и набросилась на еду с жадностью человека, который не ел два дня. Закончив, Аня пошла к двери. Она хотела выйти на галерею маяка — посмотреть на мир сверху. Дверь оказалась массивной, окованной железом. Аня с трудом толкнула её — и зажмурилась от яркого света. Солнце уже поднялось высоко. Море сияло белым, как расплавленное стекло, а воздух был прозрачным и горячим. Внизу, в городе, копошились люди — маленькие, как муравьи. Кто-то вытаскивал лодки, кто-то нёс корзины с рыбой, кто-то сидел в тени под навесами. Вид был мирным, идиллическим — и совершенно чужим. Аня вдохнула, вдохнула этот воздух — пахнувший морем, солью, нагретым камнем и цветами — и улыбнулась. — Я здесь, — сказала она себе. — И пока не уйду.---После завтрака она надела предложенную Мироном одежду: длинную светлую

тунику, пояс, лёгкие сандалии. Всё это было грубым, домашним, но удивительно удобным. Она вышла из маяка по тропинке, ведущей вниз, и шагнула на землю Тавриды. Первое, что она почувствовала, — жар. Солнце пекло по-южному, и через пять минут она уже взмокла. Второе — запах. Смесь моря, нагретого дерева, травы и какой-то сладкой пряности, которую она не могла определить. Вдоль дороги росли высокие кусты с мелкими жёлтыми цветами, и воздух вибрировал от жужжания пчёл. Городок оказался крошечным — всего одна улица, которая вела к рыночной площади. По бокам стояли дома из белого камня, с красными черепичными крышами и синими ставнями. У некоторых были балконы, увитые виноградом, и Аня засмотрелась на сочные грозди, свисающие прямо на голову прохожих. На рынке былолюдно. Женщины в светлых длинных платьях торговали зеленью, фруктами, рыбой. Мужчины в рубашках с закатанными рукавами перебирали улов, шумели, спорили о цене. Кто-то играл на свирели, и музыка лилась по площади, смешиваясь с криками чаек и звоном монет. — Как красиво, — прошептала Аня. — Приезжие всегда так говорят, — раздался рядом голос — старушечий, шероховатый, но добрый. Аня обернулась. Перед ней стояла маленькая сутулая женщина в тёмной юбке, с белым платком на голове и корзиной трав за плечами. Её лицо было покрыто сеткой морщин, а глаза — тёмные, быстрые — блестели, как у птицы. — Я бабушка Зоя, — сказала старуха. — Травница. Ты, видно, та самая,

которую море выплюнуло. Иди сюда, не бойся, я тебя не съем. Она подошла ближе и, не спрашивая разрешения, взяла Аню за руку. Провела пальцами по ладони, нахмурилась, потом улыбнулась. — Пустая ты? — спросила она шепотом. — В смысле? — не поняла Аня. — Без магии, — пояснила Зоя. — Ни искры. Но при этом ты здесь. Странно. — Я просто человек, — сказала Аня. — Обычный. — Обычные люди не проходят сквозь гроты и не выныривают в другом мире, — сказала Зоя, отпуская её руку. — Ты необычная. И я знаю, что это значит. Тебя послало море. — Море? — удивилась Аня. — Оно живое? — Оно поёт, — ответила старуха. — И ты слышишь. Я же вижу, как ты смотришь на волны. Ты не просто видишь их — ты слушаешь. Так? Аня вдруг поймала себя на том, что действительно ловит ритм прибоя, улавливает его переливы, его дыхание. — Наверное, — призналась она. Зоя улыбнулась — тепло, таинственно, и протянула ей сушёную веточку мяты. — Держи. Пригодится. Аня взяла, убрала в карман и хотела спросить что-то ещё, но старуха уже исчезла в толпе, растворилась, как утренний туман. Аня постояла, оглядываясь, и вдруг поняла, что на неё смотрят. Не все, не враждебно — но с любопытством. Несколько женщин перешептывались, кивая в её сторону. Мальчишка с корзиной винограда уставился на неё, раскрыв рот. — Что? — спросила Аня громко. Мальчишка покраснел и убежал. Аня усмехнулась, развернулась и пошла обратно к маяку. Она не знала ещё, что за её спиной, в самой глубине рынка, стоял

высокий человек в чёрном плаще и провожал её взглядом — холодным, цепким, изучающим. Он не сказал ни слова. Но на его запястье тонко звякнул металлический браслет — точно такой же, как у Мирона, только без единой трещины. Смотритель Порядка прибыл в Тавриду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.